

Валерий Алексеевич Сухов родился в 1959 году в селе Архангельское Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт. Кандидат филологических наук. Работал учителем, преподавателем педагогического училища; с 1988 года — на кафедре литературы и методики Пензенского государственного педагогического университета. Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Сура», «Подъём» и др. Автор шести сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Живет в Пензе.

Валерий Сухов

СЕМЕЙНЫЙ ИКОНОСТАС

КОРНИ

Здесь мои родовые корни.
Рядом — сын мой, отец и брат!
Ну, а кто из родни похоронен,
Те из окон незримо глядят.

Мы наследники тех поколений
Хлебопашцев, фронтовиков,
Кто был Родине малой верен,
Кровь пролил за родимый кров.

Кто вернулся, а кто — не вернулся.
И в чужой похоронен земле...
Самокруткой дед затянулся —
Горьким дым показался мне.

Бабка утром опять молилась,
Чтобы Бог от войны нас спас.
И зари благодать пролилась
На семейный иконостас.

Не стареют на снимках лица.
Помнит их старуха-ветла.
Я, как в детстве, хочу хвалиться:
«Да нас — Суховых — полсела!»

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

Память озаряется туманная
От лучины, вставленной в светец.
Вспомнилась вдруг школа деревянная,
Где еще учился мой отец.

Дети фронтового поколения.
Выпали им горе и нужда.
В печке дымной вспыхнули поленья —
И со стекол потекла слюда.

Ждали и боялись почтальонки.
А ее то, бедной, в чем вина?!
Желтый треугольник похоронки,
Как осколок, в гудь вонзит война!

И тогда в селе на всем порядке
Бабы начинали голосить!
И играть бросали детки в прятки,
Подходили — горе разделить...

Все сердечком детским понимали,
Черный видя на вдове платок.
Леши, Маши, Гриши, Саши, Вани
На всю жизнь запомнили урок.

Азбуки начальная основа.
Состраданием и жив народ!
Школа деревянная сурова.
Сорок первый — сорок пятый год.

СИРОТСТВО

Пронзает осознание сиротства,
Когда застынешь над могильной ямой.
Среди березок на краю погоста
Отца похоронили рядом с мамой.

И, как листок березовый, кружится
Душа его над нами на ветру.
Дождь моросит с утра, и небо мглисто.
С трудом слова молитвы подберу.

Жил по-людски. Хоть и не верил в Бога,
А был, по сути, Божий человек...
На холм к родителям теперь одна дорога.
Накроет скоро их могилы снег.

Родимый край окину долгим взглядом.
Пронзительна березовая Русь...
Я на родном погосте лягу рядом
И навсегда на родину вернусь!

ЖАР-ПТИЦА

Жарко на припеке, а в лесу
Сырость уже знобкая, осенняя.
Нет, не листьев ворох я несу,
А Жар-птицу — для ее спасения.

Я ее под кленами нашел.
Дождик моросил и было ветрено.
Ей погладил тихо крыльев шелк.
Мне она — озябшая — поверила.

И Жар-птицу я домой забрал.
Словно в сказке, счастлив от везения.
Пела птица, я ей подпевал.
Любовался ей до изумления!

Над столом моим пускай поет
Мне всю зиму песни знойно-звонкие.
И на счастье перья раздает
Жаркие, багряные да ломкие.

ПОД БЕРЕЗОЙ

В город укатил и был таков...
Только в октябре приехал в гости.
И повинно обнял стариков:
«Ну, чего вы загрустили, бросьте...»

Покосился до земли забор.
На ветру листва шептала что-то.
И под дождь привычный разговор
До заката слушала суббота.

Уходил, а вслед они глядят...
И земля качнулась, словно мостик.
Рядышком родимые стоят
Под березой старой — на погосте.